

ВОЙНА

Рассказ

НОВЫЙ ГОД

Бутхуз отстрелял последнюю ленту и отложил пулемёт на спинку втиснутой в тело баррикады садовой скамейки. Вороватый порыв запоздалого декабрьского ветра, встрепав волосы убитого утром ополченца, умчался в сторону Эриванской площади, перекатывая по пути пустые гильзы. От ступеней парламента ползком пробирался седой горожанин. Лавируя между скелетами сгоревших автомобилей, пластун забирал в сторону ближайшего переуллка.

– Бывший гимнаст, – решил Бутхуз, – вон как отжимается.

С противоположной стороны пошла длинная очередь. Стрелок палил наугад, и пули, срезав ветки с платана, под которым залёг Бутхуз, улетели в сторону старого арсенала – где, собственно, и положено быть пулям, – но на середине пути пули устали и, потеряв силу, упали в мутную воду Куры.

– Пойду я домой, ноги замёрзли.

– Чёрна! – заорал пулемётчик, махнув рукой в сторону командира. Командир постреливал из калашникова, пригнувшись за бетонным парапетом церковного двора. Заметив суету Бутхуза, вопросительно вывернул ладонь. Бутхуз указал в сторону проспекта, стукнул по наручным часам и задрал два пальца, Чёрна кивнул. Взвалив на плечо пулемёт, Бутхуз обогнул баррикаду и направился к дому.

У здания старого телеграфа проспект перегораживала толпа болельщиков. В эту сторону не стреляли – тут была зона наблюдения и обсуждения войны. Раздвигая прикладом спорщиков, Бутхуз пробрался к замызанному подъезду, поднялся на третий этаж и толкнул сохранившую остатки резных завитушек дверь.

В коридоре вкусно пахло. Бутхуз пристроил пулемёт за вешалкой и стянул грязный бушлат. Из-за кухонной двери, отряхивая с ладоней муку, выплыла тётя Верико:

– Вахтанги, пришёл, сынок, – а что, этот кретин ещё в подвале сидит?

– Сидит, тётя Верико, сидит, куда он денется.

Следом из кухни вылетела недавно вселившаяся провинциальная шлюшка:

– Не смейте грязными своими языками пачкать имя святого человека...

Прежде чем патриотка шмыгнула за свою дверь, Бутхуз успел поддать ботинком в обтянутый чёрной юбкой зад. После Бутхуз протопал в ванную, понаслаждался, намыливаясь, растёрся чьим-то полотенцем и пошёл к себе. Проходя мимо двери шлюшки, ткнул кулаком :

– Последний раз предупреждаю: будут к тебе звиадисты шастать – всех перестреляю...

В комнате Бутхуз стащил ботинки и повалился на диван. Старый друг ласково прогнулся под хозяином, приспособливая провалы набивки под Бутхузовы выпуклости. В комнате было тепло.

– Верико натопила... а вот и она, – дверь скрипнула, необъятная тётя Верико появилась с тарелкой в руках:

– Вахтанги, сынок, я хачапури испекла, тебе на войне голодно – поешь. Да, а Розыного Мишку сегодня ранили – час назад привезли, он возле телестудии воевал. Ты к нему пока не ходи – ему морфий сделали, он спит. В плечо и ногу ранили, там вся комната кровью залита. Сурен Варганович смотрел, сказал, жить будет, главные органы не задеты – только рука не поправится, сустав разбит. Роза на кухне сидит, плачет, я к ней пойду, поесть отнесу.

– Будет плакать, тетя Верико: у неё, кроме Мишки, никого нет. А что Малхазовича не видно? Куда делся?

– А-а, этот старый дурак никогда ума не наберётся. С утра заладил: «Плевал я на войну: коммунистам не верю, звиадистам не верю, демократы сволочи, один, говорит, у меня праздник – Новый год, буду встречать как человек». Завёл свой драндулет и уехал.

– Куда уехал?

– Куда он мог уехать, чтоб его ненасытный живот лопнул: вино, наверное, поехал добывать. Вахтанги, может, сегодня воевать больше не пойдёшь? Новый год встретим, а этот дегенерат пусть сидит пока в подвале: я маме твоей, покойнице, слово дала, беречь тебя обещала, оставайся сегодня дома...

– Тётя Верико, как войну закончим, я с моим пулемётом избирательную кампанию тебе устрою и президентом посажу...

– Чтоб ты пропал, болтун, – Верико двинулась из комнаты.

Не вставая с дивана, Бутхуз потянулся к оставленной на затёртом письменном столе тарелке, отломил ломоть, сглотнул, облизал пальцы и, удобнее пристроив голову на валике, поднял с полу томик Рильке:

Господь! Большие города
Обречены небесным карам.
Куда бежать перед пожаром?
Разрушенный одним ударом
Исчезнет город навсегда...

Отложив книгу, Бутхуз встал с дивана и вышел на балкон. Справа ухнуло – в окно старого «Интуриста» влетел снаряд, занялось рыжее пламя, толпа заволновалась, отхлынула. Из проулка выползла пожарная машина. По выдвинувшейся лестнице взобрался мальчуган в каске, открыл кран на конце брезентовой кишки и стал поливать огонь. Справа снова ухнуло – новый снаряд впечатал пожарника в горящее.

– А ведь говорят, дважды в одно место не попадает. – Бутхуз перегнулся через парапет. Внизу суетились, пытались отнять у машины искорёженную лестницу. Стрельба участилась, сквозь треск автоматов пощёлкивали одиночные выстрелы.

– Снайперы хреновы. Всё, хватит с меня этого бардака, уеду. Чингачгук в Таганрог зовёт, там наших полно, одними арбузами прокормлюсь. Тепло, море и никакой войны. В задницу их демократию – пусть без меня разбираются. Арам на книги положил – баксов пятьсот сдери с этого клопа за всё. Сегодня же отдам – и вперёд, на Азов, а там как Бог решит.

Бутхуз вернулся в комнату, выудил из-под стола цинку с боезапасом, откинул крышку и заглянул внутрь: патронов оставалось на две серьёзные очереди.

– Ну и тем более – воевать нечем, и хватит...

Натянув ботинки, Бутхуз двинулся в коридор, обдумывая на ходу вероятное местопребывание Арама. Приоткрылась входная дверь, в образовавшуюся щель протиснулся Малхазович:

– Ва, Вахтанг, ты куда? Я приехал, индюка привёз. – Малхазович воздел руку с опщипанной птицей, вторая рука сжимала тесёмки туго набитой авоськи. – К такой матери вашу войну. Я вот в Кахетию смотался – ветчину добыл, сыр. Новый год не каждый день бывает. Ты далеко не ходи. Ребята придут – встретим праздник, как предки наказали.

– А кто будет? – заинтересовался Бутхуз.

– Все будут, – заверил Малхазович. – Арчил сказал: «Пешком приду».

– Не дойдёт, далеко.

– Кто не дойдет – Арчил не дойдёт? Арчил доползёт, коли идти не сможет. Вы, сопляки, нас вашей войной не пугайте. Город, сынок, есть город. Война войной, а традицию соблюдать надо, иначе города не станет.

Малхазович поволок трофеи в сторону кухни, приостановился и обернулся к Бутхузу:

– А что, эта новая, – и кивком указал на дверь, – совсем безнадежная? Может, ей просто нормального мужика надо – забудет свой большой патриотизм, а?

– Вот ты её и полечи, – хмыкнул Бутхуз, после задумался и позвал:

– Малхазович, а ты вино привёз?

– В машине, я же не сторукий – всё сразу тащить.

– А где вино брал?

– Карденахское.

– Поклянись...

– Ва, я что тебе, сопляк – врать, говорю: чистое Карденахи.

Бутхуз надел бушлат, вернулся в комнату, забрал цинку с патронами. Проходя мимо кухни, крикнул Малхазовичу:

– Я к девяти вернусь, без меня не садитесь.

Спускаясь по лестнице, приостановился поправить врезавшийся в плечо пулемёт: «Если экономно, растяну патроны часа на два, и бегом к Малхазовичу – Карденахи сегодня на улице не валяется...»

СОЛНЦЕ

«Солнце ночью опускается в море. Морем же плывёт оно на восток, а утром поднимается на небо. Вечером, опускаясь в море, солнце рассыпает вокруг золоти...»¹

Бутхуз привалился спиной к стене кладбищенской молельни. Неподалеку лежали тела расстрелянных:

– Как тихо, даже птиц не слышно. Природа после стрельбы замирает – скорбит по убитым. А солнцу все равно. Катится себе к морю. Нет ему дела до нас.

Из-за окраинного дома появились люди. Впереди, со связанными руками, шли двое.

– Командир, этих живьём взяли.

– Сажайте их рядом, побеседуем...

Бутхуз повернулся к соседу:

– Ополченец?

– Да.

– Откуда?

– Из ущелья.

– Там две деревни.

– С ближней, что у реки...

– Ну и зачем ты здесь?

¹ Грузинские народные предания и легенды.

– Я свою землю защищаю...
– От кого? От них? – Бутхуз указал на мёртвых. – Что молчишь? Не отворачивайся. Их-то за что убивал?

– Я их не убивал: я солдат, я не убийца.

– Щенок ты, а не солдат. Там твои соседи лежат. Ты смотри, смотри, не отворачивайся. Покажи руки. – Бутхуз развернул сидящего. – Грязные, в копоти – стрелял, значит.

– Я в ваших солдат стрелял, я не палач...

Бутхуз поднялся с земли, встал против второго пленного:

– Ты когда шёл, носок тянул, как на параде. Кадровый? Что молчишь? Борода не поможет, по выправке вижу – офицер.

– Я ополченец, местный.

– Врёшь, у тебя говор гортанный, здесь так не говорят. Покажи руки. Чистые. Командовал, значит, приказывал, а твои люди расстреливали.

– Я офицер по связи...

– Не верю – у тебя глаза убийцы. – Бутхуз повернулся к солдатам. – Приведите мальчика. Ты допустил промашку, офицер по связи. Когда убиваешь, свидетелей оставлять не надо.

Из молельни вышел взводный с подростком. Мальчик обхватил руками Бутхуза и спрятал лицо у него на груди.

– Всё кончилось, малыш, не бойся ничего... Посмотри сюда: этот убивал?

– Нет. Он стоял вон там и плакал, потом кулак вверх поднял и смотрел на небо, что-то кричал. Я не слышал, что – выстрелы мешали.

– Ты его знаешь?

– Да, он из верхней деревни, дружил с моим братом.

– А этот?

– Этот командовал теми, которых вы убили, потом из пистолета стрелял в подранков.

– Ты сын Миндия?

– Да.

– Отец скоро придёт, мы по радиации с ним связались. Там, – Бутхуз указал на убитых, – из твоей родни есть кто?

– Сестра...

– Не плачь, сынок, не плачь... Взводный, раненых где устроили?

– В школе.

– Отведи мальчика туда, дайте ему таблеток каких – может, уснёт.

– А с этими что делать, расстрелять?

– Этому сопляку сломайте указательные пальцы и отпустите. Проведите его до реки – наши подстрелить могут. А этого привяжите к тому каштану. Пусть ждёт. Миндия скоро будет, с ним остальные мужчины идут.

Бутхуз повернулся в сторону моря. Солнце уже уходило – над водой оставалась половинка золотого диска.

Солнцу нет до нас дела. А у луны одна сторона чёрная – дабы не видеть, что мы тут творим. Луна смотрит на землю светлой стороной ночью, когда мы скрыты во тьме...

ВЕТЕР

Бутхуз проснулся от боли. Болела нога:

– Как это наши эскулапы называют, фантомные боли? Ветер поднимается – декабрь.

Перегнувшись с дивана, Бутхуз подобрал протез:

– С добрым утром, деревяшка, отдохнул?
 На кухне бывшая патриотка варила кофе:
 – Вахтанг, налить чашку?
 – Да, выпью одну – замёрз ночью.
 – Нога болит?
 – Ноет: погода портится.
 – Вахтанг, я твой бушлат почистила – грязный был... и медаль надраила – сверкает, как золотая.
 – Спасибо, родная, пойду я на вахту.
 В коридоре Бутхуз столкнулся с Малхазовичем:
 – Как ты?
 – Вот, Микел-Габриэла жду².
 – Прекрати эти глупости.
 – Почему же глупости? Пора уже, кому я здесь нужен?
 – Мне нужен, ей вон, – Бутхуз кивнул в сторону кухни, – нужен.
 – Ночью Верико приснилась. Говорит: «Засиделся ты там, старый дурак, давай к нам. От Розы привет передала...»
 – Хватит хандрить. Сегодня пятница, хороший день: наскребу к вечеру на пару бутылок – зальём тоску.
 Бутхуз надел бушлат, поднял свёрнутый в рулон коврик и вышел. По тротуару, разбрасывая окурки, прошелестел первый порыв ветра:
 – Чёрт, холодно, мало прохожих будет...
 Цепляясь за ступеньки протезом, Бутхуз спустился в проём перехода. Из-за витрины парикмахерской выбежала девчушка с венником:
 – Батоно Вахтанг, подождите, я замету – мусор набросали на ваше место.
 Бутхуз расстелил коврик, опираясь о стену, уселся и пристроил рядом с протезом жестяную миску.
 В форточке напротив появилась физиономия часовщика:
 – Вахтанг, кофе горячий, только закипел.
 – Спасибо, Рубик, я уже выпил.
 – Как замёрзнешь, позови: я мигом сварю...
 По лестнице спустилась девушка с футляром, отведя глаза, бросила в миску монетку.
 – В консерваторию идёт, скрипачка-скрипичница, – а может, просто хорошая девочка.
 Бутхуз натянул поглубже вязаную шапочку и вытащил из кармана потрёпанную книгу:

...Живущие в ночлежках ради бога –
 Не мельницы, а только жернова,
 Но смеют и они муки немного.
 Один лишь ты живёшь едва-едва...³

² В грузинском фольклоре ангел смерти, который приходит за душами умерших.

³ Р.-М. Рильке, «О бедности и смерти».